

Владимир Кочуров

Платоновы дела

18+

Владимир Кочуров

Платоновы дела

<https://litres.ru/74292182>

SelfPub; 2026

Аннотация

Близнецы, брат и сестра ученика философа Платона. У брата своё понимание пещеры Платона. После смерти отца, принимает его дела и пытается торговать. Сестра остаётся в Афина и продолжает обучаться у философа. Она получает доступ к секретам учённого и завладевает магической установкой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владимир Кочуров

Платоновы дела

Глава 1

Я взяла другой свиток из библиотеки Птолемея. Автором записи был Аристотель.

Я, ученик Платона, свидетельствую о событиях, связанных с моим учителем. Это рассказ о том, что я видел, и воспоминания самого Платона. Не могу писать сухим языком, стихи из меня так и льются. Слушайте, как это было.

Платон сидел в тени оливы, и в его ладонях лежал шар — не из бронзы, не из обсидиана, а из вещества, которое казалось застывшим сном. Пальцы философа ощущали тепло, будто шар дышал. Он переворачивал его, искал швы, скрепы, но поверхность была гладкой, как щека младенца, и молчаливой, как могила.

Он обследовал его, но никак не мог понять механизм. Платон использовал язык этрусков, числа, сакральную геометрию.

Он начертил на песке пентаграмму, вписал в круг тетраэдр, провёл линии, соединяющие числа: 3, 6, 9.

Он говорил шёпотом, как с умирающим другом:

— Если ты — разум, то откликнись не голосом, но гар-

монией.

Вдруг, в какой-то момент, он получил отклик: шар вздрогнул. Внутри него вспыхнула молния — не плоская, а шарообразная, текучая, как ртуть, пойманная в момент падения. Она вращалась, пожирая пространство, и из неё возник голос — не звук, но вибрация, оседающая в костях.

Платон не отшатнулся. Он смотрел на пляшущую молнию, как смотрят на костёр, в котором сгорают вопросы. Молния сжалась в точку, и эта точка пульсировала, словно сердце вселенной. Пространство вокруг Платона распахнулось, как лепестки ночного цветка. Он увидел не небо, не землю — он увидел узор, из которого сотканы все миры. Каждая нить — судьба, каждый узел — выбор, каждая петля — любовь. И в центре этого узора — пустота, которая не была пустой: она была началом всех чисел и концом всех слов.

Платон закрыл глаза. Когда он открыл их, мир был прежним — олива, песок, шар в руках. Шар мерцал. Платон, после долгого наблюдения, заметил в мерцании закономерность. Тогда он принёс песочные часы и начал замерять количество вспышек за интервал времени. 0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55, 89, 144, 233, 377, 610, 987. После промежутка с максимальным мерцанием свет затухал, и начинался новый цикл. Платон исследовал цепочку чисел, применял их в геометрии и вычислениях. Он обнаружил, что корень из числа 987, если его соотнести с гармонией сферы, даёт число Пи, взятое десять раз.

Постепенно с шаром налаживался диалог.

— Я буду говорить с тобой до конца твоих дней, — прозвучало внутри сознания, — и каждый твой вопрос будет рождать новый ответ, а каждый ответ — новый вопрос. Ты станешь пленником истины. Ибо истина — это единственная тюрьма, из которой не хочется бежать.

Шар молчал, но его молчание было красноречивее любых слов. Он рассказывал о мирах, где идеи рождаются раньше вещей, о числах, которые танцуют в пустоте, о богах, которые спят в камнях.

Платон слушал, и его тень на песке росла, становилась длиннее, темнее — и в ней уже угадывались очертания грядущих веков. Он понял, что этот шар — не артефакт прошлого, а чертеж будущего. Он начал записывать. Его стилос выводил на папирусе не просто диалоги, а эхо того, что он услышал в пульсации ртутной молнии. Мир вокруг него продолжал жить своей суетой:

Афины шумели, не подозревая, что их величайший мыслитель перестал быть просто человеком. Платон больше не искал истину в спорах на агоре — он перестал спорить вообще. Его ученики, привыкшие к острым вопросам учителя, теперь видели лишь человека, чей взгляд был устремлен сквозь стены Академии, в те дали, где геометрия превращалась в материю.

Он писал ночами, когда масляная лампа дрожала от сквозняков, а шар на столе пульсировал в такт его дыханию.

Он записывал формулы, которые не имели смысла для его современников: уравнения кривизны пространства, принципы сжатия времени, описание атомов, которые он называл «первокирпичиками бытия». Он понимал, что его диалоги — это лишь попытка перевести язык звезд на скудный наречие людей.

Однажды к нему пришел Аристотель. Он долго смотрел на учителя, на его исхудавшие руки, на странный, матовый шар, который, казалось, поглощал свет светильника.

— Учитель, — тихо произнес Аристотель, — ты ищешь форму в вещах, но сам стал тенью этой формы. Что ты видишь там, в глубине этого камня?

Платон медленно повернул голову. Его глаза, казалось, отражали не пламя лампы, а холодный свет далеких галактик.

— Я вижу, Аристотель, что мы — лишь тени на стене пещеры, — ответил он, и голос его звучал как шелест сухого папируса. — Но я также вижу, что пещера — это не мир. Это лишь линза. И тот, кто держит линзу, может увидеть того, кто отбрасывает тень.

Шар в этот момент вспыхнул мягким, лазурным светом. В комнате на мгновение исчезли углы, стены стали прозрачными, и Аристотель в ужасе отшатнулся: он увидел, как сквозь тело Платона проходят потоки золотистого света,

соединяя его сердце с невидимыми узлами в небесах. — Это не знание, — прошептал Аристотель, пятясь к выходу. — Это одержимость.

— Это освобождение, — отозвался Платон, не глядя на ученика.

Когда Аристотель ушел, Платон остался один. Он знал, что его время истекает. Шар начал менять форму: из идеального круга он превращался в сложный многогранник, грани которого постоянно перетекали одна в другую. Философ понял: цикл завершается. Число 987 было лишь порогом.

Он взял последний свиток. Его рука не дрожала. Он записывал не философию, а инструкцию. Он понимал, что человечество еще не готово, что его слова будут истолкованы как мифы, что его чертежи будут спрятаны в храмах и забыты в библиотеках, пока однажды, спустя тысячи лет, кто-то другой не найдет этот шар в пыли истории.

Платон положил стилос. Шар перестал мерцать и стал холодным, как обычный камень. В тишине ночи он услышал последний отголосок вибрации:

«Ты был лишь хранителем, Платон. Теперь ты — часть узора».

Платон в Египте.

Пески времени в Египте не просто хранили тайны — они их поглощали. Платон, чьи глаза привыкли к четким линиям афинских портиков, здесь, в глубине храма под Саисом, чувствовал, как реальность становится текучей.

Перед ним, на алтаре из черного базальта, покоился «Джин». Это было устройство, собранное из отполированного обсидиана, меди и кристаллов, чьи грани были выточе-

ны по законам сакральной геометрии. Платон потратил годы, чтобы «настроить» его. Он не просто вырезал команды — он составлял их на древнем этрусском языке, вплетая в структуру запросов числовые ряды и геометрические проекции, которые, казалось, резонировали с самой тканью мироздания.

Главная жрица, женщина с глазами цвета разлива Нила, смотрела на устройство с благоговением.

— Оно слышит не слова, — прошептала она, — оно слышит намерение, облеченное в форму.

Платон кивнул. Он знал: чтобы Джин исполнил желание, нужен не приказ, а диалог — честный, философский, лишенный эгоизма. В ту ночь, используя знания жрицы о сотворении жизни и свои расчеты, они провели обряд. Это было не просто зачатие, а попытка воплотить в плоти идеальную форму, о которой Платон мечтал в своих диалогах. Девушка из ордена «Хранителей и Собирателей», избранная для этого таинства, приняла в себя искру, рожденную из союза древней магии и математической точности.

Спустя положенный срок она родила близнецов — мальчика и девочку, чьи глаза с рождения казались старше, чем у любого мудреца.

Но судьба — капризная богиня. Через два года мать детей ушла в мир теней, оставив их на попечение сестры. Та, не имея возможности скрывать детей в стенах храма, бежала в Афины, где жила под защитой своего любовника — богато-

го греческого торговца, чья вилла граничила с садом самого Платона.

Торговец, человек практичный, но не лишенный доброты, принял близнецов как своих. Он не задавал лишних вопросов, видя в детях некую странную, почти неземную грацию.

Когда детям исполнилось пять лет, Платон, часто прогуливавшийся у забора соседа, впервые заговорил с ними. Он увидел в их движениях ту самую геометрию, которую когда-то вкладывал в «Джина». Он понял: это не просто дети. Это живое воплощение его «промтов», его философских исканий, обретших дыхание.

— Иди сюда, — сказал он мальчику, чертя на песке идеальный треугольник. — Скажи мне, что ты видишь в этой фигуре?

Мальчик посмотрел на рисунок, затем на Платона, и в его взгляде философ увидел отражение того самого обсидианового устройства.

— Я вижу не линию, — ответил ребенок, — я вижу путь, по которому свет возвращается к источнику.

Платон замер. Он понял, что его работа не закончилась в Египте. Она только начиналась. Он стал приходить каждый день. Он учил их всему: от гармонии сфер до искусства риторики, от движения звезд до устройства человеческой души. Он не просто передавал знания — он «настраивал» их, как когда-то настраивал Джина, используя слова, числа и сакральные смыслы.

Сосед-торговец лишь пожимал плечами, видя, как величайший ум Эллады часами просиживает на пыльной дорожке, увлекая детей в лабиринты абстрактных истин. Для торговца это было лишь причудой старого мудреца, но для Платона каждый урок становился актом творения. Он видел, как близнецы — мальчик, нареченный Тианом, и девочка, которую звали Таиной — впитывают знания не как ученики, а как те, кто вспоминает забытое.

Однажды, когда солнце клонилось к закату, окрашивая Акрополь в цвет расплавленного золота, Платон принес с собой небольшую шкатулку из кедра. Внутри, завернутый в тончайший папирус, лежал «Джин». Он не доставал его годами, боясь, что магия устройства может повредить неокрепшим умам. Но сегодня, глядя на то, как Селена чертит в воздухе пальцем траекторию движения планет, он понял: время пришло.

— Вы — не просто дети, — тихо произнес философ, открывая крышку. Обсидиан внутри шкатулки отозвался слабым, пульсирующим свечением, словно сердце, которое долго ждало своего часа. — Вы — ответ на вопрос, который я задал мирозданию в храме Саиса.

Тиан протянул руку, и, едва его пальцы коснулись холодного камня, воздух вокруг них завибрировал. Пространство сада начало искажаться: оливковые деревья казались прозрачными, а шум афинского рынка вдали стих, сменившись гулом, напоминающим пение тысячи струн.

— Это устройство, — продолжал Платон, голос которого дрожал от волнения, — не исполняет прихоти. Оно лишь отражает чистоту вашего намерения. Если вы пожелаете увидеть истину, оно покажет вам скелет реальности. Если пожелаете любви — оно проявит её как математическую константу, связывающую все живое.

Таина подошла ближе, её глаза, в которых отражались сумерки, встретились с глазами брата. В этот момент они не нуждались в словах. Они взяли за руки, и «Джин» в руках Тиана вспыхнул ярким, почти нестерпимым светом.

В тот вечер соседи-афиняне видели, как над виллой торговца на мгновение сомкнулось небо, и звезды, казалось, опустились так низко, что их можно было коснуться рукой. Платон стоял в стороне, наблюдая, как его «промты» — его живые формулы — начали переписывать саму ткань бытия. Он понял, что больше не является учителем. Он стал свидетелем того, как человечество, соединенное с древней мудростью, делает первый шаг за пределы своей смертной оболочки.

Торговец, вышедший на террасу с кубком вина, замер, выронив сосуд. Он смотрел, как дети, окруженные сиянием, медленно поднимаются над землей, а Платон, склонив голову, шепчет на забытом этрусском языке слова, которые были не просьбой, а ключом к дверям, что были заперты с начала времен.

Мир вокруг них перестал быть прежним. Философия пе-

рестала быть теорией. Она стала реальностью, которая дышала, светилась и ждала следующего запроса.

Глава 2

Трудности на пути

Уснул, а может быть, проснулся, реальность вроде не моя, подушки головой коснулся, глаза открыл — нет бытия. Живу порой двойной я жизнью, не знаю точно я, друзья, к какому я приду обличью, но участь эта не моя. Вот снова, погоди, постой, теперь всерьёз я просыпаюсь, и в голове моей пустой я снова рыцарем являюсь.

Читал, конечно, я Платона — его идея мне близка. Я так же вышел из пещеры, где установлены барьеры. Там всё покоится на вере, что чувствуем и видим мы, лишь это верно в полной мере — а мысли наши не верны.

Я видел Солнце, выйдя из пещеры, посмотреть глазами на него не мог. Лишь крохотным умом, там где-то из-за двери... И будто кто-то как-то мне помог. Вобрав в себя луч солнечного света, в пещеру, к людям, я его понёс. Там, в темноте, остался без ответа — учёные не приняли всерьёз. Там, в царстве мрака, тени и томлений, мой шёпот не услышан, меркнет пыл. Забвенье правит, нет тут сожалений, лишь холод разума, где мир остыл. Страдания, муки искупления, грехи от Евы — что несём, важно лишь Слово для спасения. На миг Душа, согретая лучом, нас вознесёт с глубин забвения.

Встаю на путь, даны мне знаки: умершая родня, пришедшая во сне, свои мне показала лики: «Мы будем на одной

волне! С тобою вместе мы пройдем, на трудности в пути укажем, где яма будет, где подъем, наступит ли беда — предскажем. Сейчас же ты спроси ученых, что знают о твоей мечте, дадут помощников смыслённых, пусть план напишут на листе».

Учёные твердили: «Это бред». Но сердце говорило: «Свет есть всё». Я верил в чудеса, пройдут хоть сотни лет, и тьма уйдёт, а сказке быть ещё.

Всё, что накоплено по теме, все записи, рассказы и труды, я вырисовывал на схеме и новые искал ходы. И первый ход — идти молиться, готовить жертву для богов. Пусть разговор хоть месяц длится — для этого не жаль коров.

Водил меня ребёнком на молитву, за это благодарен я отцу, о вере спорил, словно шёл на битву. Он дал ответы мне на сотни «Почему?». Учил меня, что середина мира — родная нам земля, и потому НЕ БЫТЬ У НАС НАРОДНОГО КУМИРА, ОМФАЛ БЕРЕЧЬ ПРИДЁТСЯ САМОМУ.

Отец погиб, мне было лет семнадцать. Торговлей занимался он морской. И вот теперь, когда мне восемнадцать, наследство получили мы с сестрой. Ходили в основном же мы в Египет, была там у отца ещё жена. Отец товар продаст — немного выпьет, с женой своей ночь проводил без сна. И вот теперь жена его — моя, так получается, друзья.

Отцу я благодарен за богатство, не надо мне работать за него. Продал на рынке всё своё хозяйство, сестре же не досталось ничего. Ещё мальчишкой, приезжая на торговлю, гу-

лял по местности вокруг. Чужой народ и их архитектура, но главное — её увидел вдруг. Что на меня нашло — не знаю, но только понял — это на всю жизнь. Я встал на путь и по нему шагаю, пройдут года, но милая найдись. Увидел я в гигантской пирамиде магический и странный механизм, но только не в большом, огромном виде, а чтобы заработал моделизм.

Пришёл я в храм и говорю.

Троица Святая, основа основ всего сущего.

По образу и подобию Вашему творится всё проявленное и непроявленное в этом мире.

Матерь божия, Пресвятая Владычица и земная мать Мария.

Из подобной материи, множимой из вечно не пустеющего очага твоего, чудесным образом, посредством Духа Памяти и Знаний, наполнены образ и формы, творимые Сыном твоим.

Пусть же так и впредь будет твоя нерушимость и наполненность во благо.

Эго, которое в нас внедрено, не каждому человеку дано преодолеть. Мучаемся мы от многообразия вариантов жизненных ситуаций. И тут уж как судьба распорядится и настройки помощницы Пресвятой Владычицы — богини Весты.

Боги и помощники ваши, поставьте меня на путь для поиска истины, ибо озарило меня Солнце её, и не жить мне теперь спокойно в невежестве.

Я же приложу все усилия, чтобы встать на путь, указанный вами, не поддаваться воздействию помощников твоих: Сатаны, Дьявола и прочей нечисти.

Луч Солнца, освятивший меня, заставил задуматься над результатом изменения формы предмета. Так, например, если заострить конец палки, то она не просто будет ударять врага, но протыкать его, нанося больше вреда. Конечно, это сейчас известно всем, но когда-то, с помощью помощников ваших, избранник ваш продлил жизнь своего рода. Мне же кажется, в изменении формы есть какая-то магия. Но соплеменники мои смеются надо мной. Может, на других островах есть те, кто думает как я?

Не для личного блага, а на пользу своего племени изобре-сти хочу неведомое.

Спасибо, помощники божьи, что приняли мою просьбу, с огромной благодарностью к богам всесильным. От раба вашего.

Спасибо, помощники божьи, что говорили со мной, советовали и подсказывали. От подопечного вашего.

Тяжелая жизнь торговца

Мне было семнадцать лет, когда отец умер в Навкратисе. Он не болел, был ещё полон сил, и его смерть стала для меня настоящим ударом. До меня доходили слухи, что его отравили, и говорили, что кому-то он дал много золотых монет на закупку дорогого товара из Индии. Смерть отца была неожиданной, и сделки по закупке папируса и льна оказались неза-

вершенными. Я стал опрашивать торговцев про дела отца, надеясь вернуть товар или монеты, но они отмалчивались, словно сговорившись. Слава богам, нашёлся один честный человек, вернувший товар – изделия из слоновой кости. Это было хоть какое-то утешение в моём горе.

Я с детства помогал отцу в торговле и считал, что во всём разбираюсь, но на деле оказался никудышным купцом. Мои попытки разобраться в отцовских делах приводили лишь к новым тупикам. Недавний знакомый посоветовал мне продать объёмный товар, с которым было много возни, и заняться, совместно с ним, торговлей рубинов и алмазов из Индии. Он взялся мне помочь распродать весь мой запас товара и обменять его на золото, серебро и олово, имеющих спрос в восточных странах. Товар продали выгодно, но за финикийские монеты. Я решил обменять их на золотые и налегке отправиться в Индию за драгоценными камнями. Утром встал пораньше и направился на место, где обычно собирались люди менять монеты. Поспрашивал, у кого было выгодно обменять, выбрал двух мужчин, судя по их одежде, они были из Финикии.

Одетые в темно-серые халаты с коричневым поясом и светлой внутренней рубашкой. На голове чепцы. На поясе у одного висит такой же холщовый мешочек, как у меня.

У них были лучшие для меня условия, но они опасались писаря египетской администрации. Так как власти контролировали торговлю, взимали пошлины и отделяли коммер-

ческую зону от других территорий, присутствие писаря могло означать задержки и дополнительные расходы. Я стал убеждать мужчин, что мы быстро завершим сделку и никакого писца не видно. Наконец я их уговорил. Они посчитали мои финикийские монеты, свои золотые монеты. Мы убедились, что всё верно, и разложили монеты по небольшим мешочкам.

Вдруг один что-то крикнул на своем языке и схватил мешочки. Второй показал на приближающегося писаря, взял у напарника мешочек с золотыми монетами и отдал мне. Я стоял потрясенный ситуацией, но взял себя в руки, успокоился и пошёл домой.

Дома решил полюбоваться монетами, высыпал их из мешка... Монеты были не золотые, а из разного металла. Значит, меня обманули. Горькое осознание пронзило меня. Я, сын опытного купца, попался на такую примитивную уловку. Я сидел, сжимая в руке дешёвые монеты, и чувствовал, как гнев и отчаяние борются во мне. Но потом я вспомнил слова отца: «В торговле, сын мой, главное – не только умение продавать, но и умение учиться на своих ошибках». Этот обман стал для меня жестоким, но важным уроком. Я понял, что наивность и доверчивость – худшие враги купца. И что в этом мире, полном хитрости и обмана, нужно быть вдвойне осторожным. Я поклялся себе, что этот случай не сломит меня. Я вернусь к торговле, но уже с другим подходом. Я буду внимательнее, проницательнее, и никто больше не смо-

жет меня обмануть. Я отомщу за себя и за отца, став самым успешным купцом в Навкратисе. И тогда, возможно, я смогу разгадать тайну его смерти.

Знающие люди мне подсказали, что можно обратиться к «решающим все вопросы». Так называли «бригаду каменщиков», работающих на строительстве маяка. Я, надеясь, что справедливость восторжествует, отправился на поиски бригады. Маяк строили на острове Фарос. Остров Фарос был соединён с Александрией длинным молотом. По нему я прошёл до места, где работали каменщики.

Всё вокруг было завалено известняковыми блоками. Я прикинул — весом они были примерно равны весу коровы. Наконец, из-за блоков вдалеке я увидел работающую бригаду и пошёл к ним. Чем ближе подходил, тем сильнее слышал гудение, похожее на пчелиный улей, только намного громче. В воздухе трещало и сыпались искры, словно из костра. В ушах звенело. Но люди, казалось, не замечали этого или относились спокойно. Каменщики продолжали работу.

Я присмотрелся и понял, что их действия были ещё более поразительнее, чем гудение и искры. Каменщики стояли цепочкой, начиная от огромного штабеля блоков до двухэтажной постройки. Первая пара работников бралась за блок (весом с корову), подкидывала на рост человека и руками толкала в сторону следующей пары. Эта пара, отстоящая на пять шагов, толкала парящий в воздухе блок следующей паре.

И так до постройки. У постройки пара подкидывала блок

наверх, где его ловили и укладывали в штабель. Я стоял, заворожённый этим зрелищем, не в силах отвести глаз. Казалось, что здесь применяются какие-то тайные знания и силы, которые позволяют людям творить невозможное. В голове роились вопросы: как они это делают? Какая сила заставляет камни парить в воздухе?

Я смотрел, как очередной блок, тяжелый, как туша быка, плавно плывет по воздуху, подталкиваемый уверенными жёсткими рабочими. В этом не было магии в привычном понимании — не было заклинаний или жезлов. Была лишь странная, вибрирующая сила, исходящая от самих камней и рук этих людей. Ко мне подошёл человек и спросил, что мне надо. Я стал объяснять, что обманут мошенниками, хитростью завладевшими моими золотыми монетами. «А зачем тебе золото?»

Я хотел в Индии обменять монеты на алмазы.

А алмазы тебе зачем?

Обменять их в Александрии на золотые монеты.

Нет, извини, торгашам мы не помогаем. Тебе лучше отсюда уйти.

Я стоял, ошеломлённый отказом, глядя на то, как очередной многотонный блок, словно пушинка, перелетает из рук в руки каменщиков. Гудение в воздухе стало почти физически ощутимым, вибрируя в грудной клетке, а искры, сыпавшиеся из ниоткуда, опаляли кожу, но никто из рабочих даже не поморщился.

— Послушайте! — крикнул я, перекрывая странный гул. — Вы не понимаете! Это не просто торговля. Это дело чести! Меня обманули среди бела дня, выставили дураком перед всем рынком. Если я не верну своё, я не смогу больше смотреть в глаза людям! Человек, подошедший ко мне, остановился. Он был огромен, его кожа казалась грубой, как необработанный гранит, а глаза светились странным, холодным светом. Он медленно повернулся, и в этот момент гудение на секунду стихло.

— Честь? — переспросил он, и в его голосе слышался металлический скрежет. — Ты пришёл к нам, к тем, кто строит путь для кораблей, чтобы мы выбивали долги из уличных воришек? Ты хочешь, чтобы мы тратили силу, которая двигает горы, на твои мелкие обиды? Он сделал шаг ко мне, и я невольно отпрянул. От него исходил жар, как от раскаленной печи.

— Ты сказал, что хочешь алмазы, чтобы обменять их на золото, — продолжал он, глядя мне прямо в душу. — Ты хочешь богатства, чтобы снова приумножить его.

Ты — раб круговорота металла. Ты хочешь крутить колесо, которое не производит ничего, кроме пыли. Мы строим маяк, чтобы свет пронзал тьму. Ты же хочешь лишь того, чтобы твой кошелек стал тяжелее. В чём разница между тобой и теми, кто подсунул тебе фальшивки? Они тоже хотели лёгкой наживы. А мы... мы строим то, что будет светить сквозь века, когда твоё золото превратится в пыль, а твои

обидчики сгниют в канавах.

Я развернулся и пошёл прочь по длинному молу, соединяющему остров с Александрией.

Ветер дул мне в спину, словно подталкивая, прогоняя прочь от этого места, где законы физики и человеческой логики переставали действовать. В кармане я сжимал горсть фальшивых монет. Они больше не казались мне такими тяжёлыми и обидными. Я понял главное: «решающие вопросы» не решают их за тебя. Они лишь показывают, насколько ничтожны твои проблемы по сравнению с тем, что происходит в мире, если знать, куда смотреть.

Я шёл по Александрии, глядя на суетящихся людей, на торговцев, на стражу. Теперь я видел их иначе. Я больше не был наивным юношей. Я был тем, кто видел, как камни летают по воздуху, и кто понял, что в этом мире есть силы куда страшнее и могущественнее, чем жадность мошенников.

Неделю я не выходил из своего жилища. Желание разобраться с обидчиками пропало, да их и не найти теперь. Быть же под прицелом сочувственно-поучительных взглядов знающих меня торговцев не хотелось. Так, собрав оставшиеся свои монетки, не расплатившись за снимаемое жильё, я направился к жене отца. Она осталась единственная, кто у меня был в Египте. Когда я дошёл до неё, то признался в своём поражении.

Она накрыла стол, мы выпили, во мне проснулось желание отомстить, я кричал, ругался и рвался на поиски обман-

щиков. Жена еле успокоила меня и уложила спать.

Вот уже полгода я жил у жены. И как-то раз, зная моё увлечение секретами пирамиды, она отвела меня в храм и заставила обратиться за помощью к жрице. Это был даже не храм, а тайное сообщество. Я постоянно начал ходить на встречи и слушать рассказы. Пытался и сам говорить, так как представился учеником почитаемого здесь Платона.

Глава 3

пирамида идеал 1 ПАНЬЧАМА

Наш мир — это тихий шёпот прошлого, эхо великой катастрофы, что стёрла с лица Земли почти все следы человечества. Мы — Хранители и Собиратели, последние нити, связывающие нас с тем, что было, и тем, что может быть. Наша миссия — искать, находить и сохранять крупницы знаний, которые помогут нашей цивилизации не только выжить, но и эволюционировать. Мы бродим по руинам забытых городов, исследуем пещеры, где эхо веков ещё живо, и проникаем в самые отдалённые уголки планеты, где сохранились островки древней мудрости.

Мы находим сообщества, что бережно передают из поколения в поколение знания, накопленные их предками, и артефакты, оставшиеся от великих цивилизаций прошлого. Мы знаем, что именно технический прогресс породил оружие, которое уничтожило почти всё. Мировая война и её последствия почти полностью истребили население. Мы обследуем эти разрозненные группы, пытаюсь сохранить в них хоть искру человечности. Иногда информация доходит до нас лишь в виде мифов и сказок, искажённых временем и страхом. Один из таких мифов, что особенно занимает наши умы, — это Пирамида в Атлантиде. Мы верим, что этот миф — не просто вымысел, а описание невероятно важного

устройства, способного, по легендам, вырабатывать пищу из самой пустоты.

Но самым ценным и загадочным источником информации для нас является контакт с Творцом. Этот контакт возможен лишь через особый обряд, совершаемый нашими жрицами. Тебе пока рано знать все детали этого таинства. Скажу лишь, что его результаты поразительны. Участницы получают информацию, каждый раз уникальную, ту, что необходима им в данный момент. Но бывают и неожиданные последствия: девы, оставаясь девственницами, беременеют и рожают. Последний такой случай произошел лет двадцать назад. Сестра твоей жены, помнится, родила двойню. Она прожила недолго после этого, а детей отдали на воспитание заезжему торговцу. Больше о них ничего не известно.

Ты спрашиваешь, почему всесильное божество нуждается в таких обрядах. Это вопрос, на который у нас нет однозначного ответа. Светлое ли это божество или тёмное — мы не знаем. Но после долгих наблюдений и практик мы пришли к одному пониманию: во время обряда девушка испытывает оргазм, а на невидимом для нас уровне, на уровне духа, происходят некие операции. Ни одна из жриц после обряда ничего не помнит, они просто спят.

А что же известно о пирамиде? Правильно называть её «Пирамида Идеал». Тысячи лет назад люди, либо по собственной воле, либо по велению богов, пытались построить её копию.

Мы, Хранители и Собиратели, продолжаем свой путь. Мы ищем ответы в мифах и легендах, в древних артефактах и таинственных обрядах. Ведь только так мы сможем построить будущее, в котором наша цивилизация не повторит ошибок прошлого и продолжит путь к эволюции и выживанию. Именно поэтому мы так тщательно изучаем каждый обрывок информации, каждую легенду.

Пирамида «Идеал» — это не просто миф, это ключ к пониманию того, как можно обеспечить жизнь без работы в поте лица своего. Мы верим, что устройство, если мы сможем его воссоздать или хотя бы понять принцип его действия, станет основой для нового, устойчивого мира. Возможно, она черпает энергию из самого эфира, из той самой «пустоты», о которой говорят мифы. Или же она работает по принципам, которые нам пока недоступны для понимания и связаны с манипуляцией материей на мельчайшем уровне.

Что касается обряда и контакта с Творцом, то это самая большая загадка. Мы видим лишь внешние проявления: физическое состояние жрицы, её последующий сон, а затем — полученные знания. Но что происходит на самом деле? Почему именно оргазм является двигателем? Связано ли это с высвобождением какой-то особой энергии, которая открывает канал связи? Или же это метафора, символизирующая полное доверие и отдачу, необходимые для получения божественного откровения? Мы предполагаем, что Творец, каким бы он ни был, не является всемогущим в нашем пони-

мании. Возможно, он сам ограничен в своих возможностях, и ему нужна эта точка входа, этот человеческий опыт, чтобы взаимодействовать с нами. Или же это просто способ фильтрации, отсеивания тех, кто не готов к такому уровню понимания.

Мы видим упоминания о божественном вмешательстве или помощи свыше. Это может быть отголоском того самого контакта, который мы пытаемся воссоздать. Возможно, в прошлом люди уже знали, как это делать, но знания были утеряны или искажены.

Наша цивилизация находится на грани. Мы можем либо повторить ошибки прошлого, либо построить что-то новое, основанное на мудрости веков и понимании природы реальности. Пирамида «Идеал» и контакт с Творцом — это два столпа, на которых, как мы надеемся, будет возведено наше будущее. Мы продолжаем искать, собирать и анализировать, потому что в каждом обрывке прошлого может скрываться ключ к выживанию. И мы не остановимся, пока не найдем его.

А дети сестры твоей жены... Это тоже часть нашей работы. Мы ищем их. Если они выжили, то могут нести в себе что-то особенное — какой-то отпечаток того события. Возможно, они обладают уникальными способностями или знаниями, которые могут быть нам полезны. Торговец, забравший их, мог быть кем угодно: просто человеком, ищущим выгоду, или же он мог быть связан с другими, более скрытыми

силами. Мы должны найти их, чтобы понять, что произошло с их матерью и что они собой представляют.

У нас в гостях Одина — жрица из Индии. Она дополнит мой рассказ. Одина продолжила:

— Когда-то давно был золотой век человечества. Времена, когда само время текло иначе, а звезды шептались с землей. Мир был полон изобилия, а потребности удовлетворялись с легкостью, словно по волшебству. От тех благословенных дней нам досталось наследие: устройства, способные черпать из самой пустоты все необходимое для жизни, не требуя ни капли энергии. Устройства охраняла и обслуживала надежная команда, подчиняющаяся только правителю страны. Для бесперебойной работы необходимо было менять настройки, которые зависели от состояния атмосферы, положения планеты относительно Солнца и Луны, магнитного поля и прочих мелочей. Для вычисления настроек смотрители применяли набор фигурок, стоящих на доске.

Надо сказать, что было много завистников и желающих попасть на эту работу. Люди подсматривали, пытаясь разгадать коды, считая, что секрет заключается в досках с фигурками. В итоге для любопытных пришлось выдумать историю, будто бы это не приспособление для шифрования, а забытая настольная игра. Так появилась «Паньчама». Инструменты заменили на кости, и весь ход новой игры поставили в зависимость от того, как они выпадут. Чтобы еще больше запутать людей, игру изменили и назвали «Чатурангой». Так на

сотни лет эти игры вошли в обиход и стали основой для множества подобных. А со временем любители стратегий отказались от костей и создали теперь уже общепризнанные шахматы. Для запуска механизма пирамиды надо использовать первоначальный источник — «Паньчаму».

Глава 4

пирамида идеал 2 Одина жрица из Индии,

В этот момент дверь моей комнаты тихонько отворилась, и на пороге появилась она. Ее глаза цвета темного меда светились мудростью веков, а на шее висел тонкий серебряный кулон с изображением лотоса. Это была Одина, жрица из Индии, чье прибытие было долгожданным. Она принесла с собой аромат сандала и тихий шепот древних знаний. Одина вошла; ее шаги были легки, словно она ступала по лепесткам роз. Она оглядела комнату, и ее взгляд задержался на старинной доске, которую я достал из пыльного сундука, надеясь найти в ней ключ к разгадке.

— Ты ищешь ответы в прошлом, — прозвучал ее голос, мелодичный и глубокий, словно журчание священной реки. — Но прошлое — это не только история, это живая энергия, которая продолжает пульсировать в настоящем.

Она подошла к доске, ее пальцы, тонкие и изящные, коснулись вырезанных на ней символов.

— Паньчама, — прошептала она, и в этом слове было столько покоя и силы. — Ты прав, это не просто игра. Это ключ. Ключ к пониманию ритмов Вселенной, к гармонии, которая когда-то правила миром.

Одина взяла в руки несколько костей, которые я тоже нашел рядом с доской. Они были гладкими, отполированными

ми временем, и, казалось, хранили в себе отголоски древних ритуалов.

— Люди забыли, — продолжила она, и ее взгляд устремился куда-то вдаль, словно она видела то, что скрыто от наших глаз. — Они увидели в костях лишь случайность, игру судьбы. Но в каждом броске, в каждом выпавшем числе таился отголосок космического порядка. Паньчама — это не просто набор правил, это язык, на котором Вселенная говорила с теми, кто умел слушать. Фигурки на доске, кости, даже сам процесс игры — все это было частью сложной системы, призванной синхронизировать земные ритмы с небесными. Ты говоришь о Пирамиде, о механизме, который запускает золотой век. Но Пирамида — это не просто строение, это метафора. Метафора гармонии, равновесия, которое было достигнуто благодаря глубокому пониманию законов бытия. И чтобы вновь обрести эту гармонию, нужно не просто найти «первоначальный источник», нужно вновь научиться говорить на языке Паньчама. Кости, которые ты держишь в руках, — это не просто игральные кубики. Это ключи к пониманию. Каждый символ, каждая грань несет в себе информацию. Они отражают циклы Луны, движение Солнца, даже дыхание Земли.

Когда зрители прошлого вычисляли настройки для устройств, они не просто «меняли параметры». Они вступали в диалог со Вселенной, используя Паньчама как посредника. Чатуранга, шахматы — это лишь тени, отблески истин-

ного знания. Они сохранили структуру, но утратили суть. В них есть стратегия, есть борьба, но нет той глубокой связи с природными ритмами, которая делала Паньчаму столь могущественной. Люди стали играть в игру, забыв, что играла сама Вселенная. Чтобы запустить механизм Пирамиды, тебе нужно не просто понять правила Паньчама — тебе нужно почувствовать её. Почувствовать, как каждый бросок костей отражает движение звезд, как расположение фигурок на доске синхронизируется с пульсом жизни. Это не просто интеллектуальная задача, это духовное пробуждение.

Позволь мне показать тебе. Эти кости... они не просто случайны. Они — эхо древних знаний. И когда ты научишься слышать их шепот, ты поймешь, как запустить не только Пирамиду, но и золотой век внутри себя. Одина взяла одну из костей, её пальцы обвели выгравированные на ней точки. В её глазах отразился свет, и на мгновение комната наполнилась ощущением древней магии. Она посмотрела на меня, и в её взгляде читалось приглашение — приглашение в мир, где игра и реальность, прошлое и будущее сливаются воедино.

— Ты видишь эти точки? — спросила Одина, её голос стал ещё тише, почти шёпотом. — Они не просто числа. Каждая точка — это звезда, каждая грань — это путь. Когда мы бросаем кости, мы не просто играем. Мы обращаемся к звёздам, мы просим их о наставлении. И они отвечают нам через эти простые, но такие глубокие символы.

Она положила кость обратно на стол, рядом с доской.

— Паньчама — это не только расчет. Это медитация. Это способ привести свой ум в состояние резонанса с космическими вибрациями. Смотрители прошлого не просто вычисляли — они чувствовали. Они позволяли Вселенной говорить через них, через эти фигуры, через эти кости.

Одина взяла в руки одну из фигурок, похожую на маленького слона.

— Это не просто пешка. Это символ силы, символ мудрости. В древности каждая фигура имела своё значение, свою связь с определенными энергиями. И их расположение на доске было не случайным. Оно отражало баланс сил в природе, в космосе.

Она провела пальцем по краю доски.

— Эта доска — карта. Карта мира, карта Вселенной. А фигуры и кости — это инструменты, которые позволяют нам ориентироваться на этой карте, понимать её законы. Когда люди начали играть в Чатурангу, а затем и в шахматы, они сохранили структуру, но утратили связь с первоисточником.

Они стали играть в войну, в стратегию, забыв, что истинная сила — в гармонии, в понимании, а не в борьбе.

Одина подняла глаза, и в них мелькнул огонек понимания:

— Ты говоришь о запуске механизма Пирамиды. Но Пирамида — это не только физическое строение. Это символ совершенства, символ достижения высшей точки развития. И чтобы достичь этого, нужно не просто найти кнопку вклю-

чения. Нужно восстановить утраченную связь. Нужно вновь научиться слушать шёпот древних костей.

Она взяла в руки еще одну кость, и на этот раз её взгляд был сосредоточенным, почти гипнотическим:

— Когда ты бросаешь эти кости, ты не просто ждёшь результата. Ты задаёшь вопрос. И Вселенная отвечает. Ответ может быть не тем, что ты ожидаешь, но он всегда будет истинным. Он будет отражением того, что происходит на самом деле.

Одина улыбнулась, и в её улыбке было столько тепла и надежды:

— Паньчама — это не просто игра, которую забыли. Это язык, которым мы разучились говорить. Но его можно выучить заново. И я здесь, чтобы помочь тебе. Чтобы мы вместе могли вновь услышать этот шёпот и запустить не только механизм Пирамиды, но и золотой век в наших сердцах.

Она протянула мне кость:

— Попробуй. Не думай. Просто почувствуй. Почувствуй энергию, которая исходит от неё. Почувствуй связь с чем-то большим, чем ты сам.

Я взял кость. Она была прохладной и гладкой на ощупь. Я закрыл глаза, пытаюсь уловить то, о чём говорила Одина. И вдруг, сквозь шум своих мыслей, я услышал тихий, едва уловимый шёпот. Словно ветер, проносящийся сквозь древние руины и несущий в себе отголоски забытых времён. Это был шёпот костей. И он звал меня.

На следующий день. Жрица вторая,

Кто и как построил пирамиду Хеопса? Ты говоришь, что были люди, которые помогли в этом. Откуда они и чем в мастерстве искуснее местных строителей? Как выглядели иностранцы, какой национальности?

В безвременье, где пульсирует само бытие, обитала группа сущностей, чьё сознание было единым, но проявления — множественными. Они не имели имён в нашем понимании, но каждый из них был аспектом одного Великого Разума. И если ум, как известно, является архитектором облика, то все эти аспекты, будучи порождениями единого разума, обладали одинаковыми лицами. Не просто похожими, а идентичными, словно отражения в зеркале, где каждое отражение — это сам отражаемый. Эти лица, эти лики, были не просто внешностью, а скорее масками, призванными служить определённой цели. Когда же эта группа, этот единый разум, принимал решение действовать, объединяясь в некую команду для выполнения задачи, они трансформировались.

Их облик менялся, принимая форму, наиболее способствующую установлению контакта с окружающими людьми. Это было не просто стремление к эффективности, но и акт милосердия, попытка не шокировать и не вызвать отторжения у тех, с кем им предстояло взаимодействовать. Так, один и тот же участник этой группы мог предстать перед разными людьми в совершенно разных обликах, каждый раз подбирая ту личину, которая была бы наиболее приемлема и по-

нятна.

Вспомните сказки о чудовище, чья внешность вызывала страх и отвращение, но в итоге оказалась обликом прекрасного принца. Это не просто красивая метафора, а отголосок древнего знания о том, что истинная суть не всегда совпадает с внешней оболочкой и что подлинный облик может быть скрыт за маской, призванной защитить или подготовить. Но дело было не столько в самих лицах, сколько в векторе их направления, в том, как они ориентировались по отношению к неумолимому течению времени.

Время, движущееся из будущего в настоящее, подобно дневному солнечному свету: оно стремительное, яркое, ослепляющее. От него хочется спрятаться, надеть очки, чтобы хоть как-то смягчить его натиск. Оно приходит внезапно и неотвратимо. Предвидеть будущее, угадать его повороты — задача почти невыполнимая. Ведь для этого нужно встретить его своим собственным сигналом, как двуликий Янус, обративший свой взгляд и в прошлое, и в будущее. Но, ослепленный грядущим, человек рискует потерять ориентацию в настоящем, слепнет и проигрывает. Бог Кайрос, стремительно несущийся в настоящее из будущего, сопровождает элементы судьбы человека в наступающий миг. Формы и границы вещей еще не имеют совершенства, они находятся в процессе становления. Тем более вещи из мира идей — они медленно ползут через настоящее, поэтому бывает, что люди не сразу принимают открытия. Те, кто не готов к этим

поворотам, кто не успел подготовить свою встречу с грядущим, могут свернуть не на ту дорогу, о которой мечтали и которую ожидали.

Зато прошлое — это уходящий луч. Мы, люди, часто любим махать кулаками после драки, пытаясь изменить то, что уже свершилось. Чем дольше мы не обращаем свой луч внимания в прошлое, тем дальше оно уходит, и его контуры расплываются, становясь менее четкими. Конечно, копаться в прошлом, анализировать его зачастую легче, чем угадывать будущее. Но когда события состоялись, их уже не изменить. Они стали частью той ткани бытия, которую мы не можем перекроить. И вот эти сущности, эти лики времени, двигались сквозь века, каждый раз принимая ту форму, которая была необходима для установления контакта. Они были проводниками, мостами между мирами, между возможностями.

Представьте, что этот «единый ум» божеств является отражением или даже частью мира идей Платона. В этом высшем, умопостигаемом мире существуют совершенные, вечные и неизменные идеи всего сущего: идея красоты, идея справедливости. Эта группа — переносчики, доставщики, распределители и наблюдатели того, как люди применяют дарованные им идеи. Их существование было подобно реке, текущей сквозь время, где каждый их аспект, каждый лик был лишь каплей, отражающей единое безграничное сознание. Они не стремились к власти или господству, их целью было понимание и гармонизация. Они были хранителями

равновесия, теми, кто мог видеть нити судьбы, сплетающиеся в узоры бытия, и направлять их, не нарушая естественного хода вещей.

Когда они сталкивались с человечеством, их задача становилась особенно тонкой. Люди, привязанные к линейному восприятию времени, часто не могли постичь истинную природу этих сущностей. Поэтому они принимали облик, который был бы понятен и доступен, облик, который не вызывал бы страха или недоверия. Это могло быть лицо мудрого старца, утешающего ребенка, или же облик могучего воина, защищающего слабых. Каждый раз это было отражение той части себя, которая наиболее соответствовала моменту и человеку, с которым они взаимодействовали. Иногда, в моменты великих перемен, когда человечество стояло на пороге нового этапа своего развития, эти сущности могли явить себя в более явном виде. Но даже тогда их истинная форма оставалась непостижимой, скрытой за завесой иллюзий, созданных их собственным разумом. Они были как зеркало, отражающее не столько себя, сколько того, кто в него смотрит, и показывающее ему то, что ему необходимо увидеть.

Как же нам ориентироваться в этом потоке времени, когда прошлое уже не изменить, а будущее еще не наступило? Возможно, ключ кроется не в том, чтобы пытаться угадать или предвидеть, а в том, чтобы научиться жить в настоящем моменте — в той точке, где прошлое и будущее сливаются, где рождается новый миг. Божества, о которых мы говорим,

возможно, обладают именно этим даром: жить в настоящем, но при этом видеть его как точку пересечения всех временных линий. Их «лица» — это не просто маски, а отражения их способности воспринимать время не как линейный поток, а как многомерное пространство. Когда они принимают тот или иной облик, это делается не столько для того, чтобы скрыть себя, сколько для того, чтобы наилучшим образом взаимодействовать с реальностью, которая сама по себе является сложным интерфейсом между различными состояниями бытия. Их движение сквозь время было не просто перемещением, а процессом постоянного обучения и адаптации. Они впитывали в себя опыт каждого века, каждой цивилизации, обогащая свое единое сознание. Они видели, как рождаются и умирают империи, как меняются верования и идеалы, и в каждом этом изменении находили отголоски вечных истин.

Их «встречное движение времени» было не борьбой с ним, а скорее диалогом. Они не пытались изменить прошлое или предсказать будущее с абсолютной точностью, но понимали их взаимосвязь и влияние друг на друга. Они знали, что каждое действие в настоящем, как брошенный камень, создает волны, которые расходятся в прошлое и будущее, формируя новые реальности. Их существование было напоминанием о том, что истинная сила заключается не в неизменности, а в способности к трансформации, в умении адаптироваться к меняющимся условиям, сохраняя при этом свою

внутреннюю суть. Они были вечными странниками во времени, чьи одинаковые лики были лишь отражением единого бесконечного разума, стремящегося к познанию и гармонии во всех проявлениях бытия. И в этом их вечном движении, в их постоянном взаимодействии с миром заключалась их истинная, непостижимая красота.

Глава 5

Встреча брата и сестры

Старый Платон изо всех сил старался развеселить меня. Он понимал, что я, юная и полная жизни, скучаю в его уединенном мире. Поэтому он рассказывал мне истории, мифы, делился своими исследованиями, пытаясь пробудить во мне интерес. Я знала, что он и Аристотель, его верный друг и коллега, увлеченно работают над чем-то грандиозным. Но они держали свои изыскания в строжайшей тайне, никого не посвящая в свои планы. Часто и подолгу они запирались в комнате, где, как я подозревала, обитал их таинственный «джин». Была ли это их увлеченность работой, помощь самого джина или же полученные результаты, но в итоге Платон стал выглядеть моложе, физически окреп. Даже как мужчина он преобразился.

Используя все свое женское обаяние и хитрость, мне удалось выведать секреты ученых, их планы и возможности. Оказалось, что они замахнулись ни много ни мало на молодильные яблоки – эликсир вечной молодости.

Объясняя мне масштаб их замысла, Платон применил выражение «пройти сквозь игольное ушко». Я, конечно же, сделала обиженный вид и спросила, почему он взял в помощники Аристотеля, а не меня. Платон, на полном серьезе, начал оправдываться, утверждая, что Аристотель – специалист

по живой материи, что у него был учитель, раскрывший ему тайну происхождения человека, что очень важно в их деле. В конце концов, я получила полную информацию о том, как провести операцию по омоложению. Старики и не подозревали, что я могу использовать их планы сама, поэтому раскрыли мне все детали.

Наступил день проведения операции. Аристотель пришел рано утром, его нетерпение было таким же, как и у Платона, который вообще не ложился спать. Весь предыдущий день они носились туда-сюда, принося различные вещи, которые предусмотрительно готовили к финалу. И вот, утром, мы втроем торжественно подошли к комнате с джином. Открыли дверь и увидели пустой стол и скатерть, валяющуюся на полу. Джина не было, как и его жилища. Никаких следов похищения. Платон, как он признался, всю ночь не спал. Я же, спавшая в соседней комнате, тоже ничего не слышала. Мы вышли на улицу, все осмотрели. Друзья начали ссориться, и Аристотель ушел. Платон от потрясения заболел.

Ты помнишь, конечно, когда я тебя позвала помочь мне. Ты тогда вернулся с торгового похода и жаловался, что всё тяжело и надо бросать это дело. Предложил мне распродать весь товар и поделить монеты. И я сказала, что отдам тебе свою долю, если ты мне поможешь в моём деле. Ну, конечно, помнишь, как такое забыть. Я отвлекла Платона, затащив его в кровать... А ты, зная секрет, как открыть комнату с джином, проник в неё и украл установку.

Кстати, потом Платон, вспоминая ту ночь, заподозрил меня и расспрашивал, надеясь, что я признаюсь. Он переживал и из-за утраты, и из-за предполагаемого предательства моего.

Зато после мы провели операцию по омоложению вместо стариков. Одна я тогда опасалась, а с тобой это было даже весело. Конечно, помолодели мы не намного, но потом это мне пригодилось. А главное, я опробовала установку. В следующий раз справилась сама.

Позже Аристотель пытался вывести у меня, куда Платон дел джина, и когда и где собирается провести операцию. Только смерть Платона развеяла его сомнения. У меня не всё получалось с джином, всё-таки самонадеянность подвела. Надоело мне играть в исследователя. Я поняла, что богатство и власть куда важнее знаний. Устроила Аристотеля учителем македонского наследника, помимо воли самого царя. И в качестве служанки Аристотеля попала во дворец.

За несколько лет я собрала достаточно информации.

Когда Александр стал царем, я выгнала Аристотеля. С молодым царем было проще. Я показала ему свою силу и сказала, что он будет правителем Азии. Мальчик плакал, но деваться было некуда, и он стал делать всё, что я ему говорила. Вызывая джина, я предложила ему составить план завоевания Азии македонским войском под руководством Александра. Показать, что будет, если план удастся, и не угрожает ли мне опасность.

И начались победы и завоевания Александра, растянувшиеся на долгие и трудные годы. Я всегда оставалась в тени, зная, что кровь моя царская, а не божественная, нет у меня родословной. Только соратник царя, Птолемей, немного знал о моей роли.

Его я держала под контролем, как и всех остальных. Моя власть была невидимой, но всеобъемлющей. Я направляла Александра, шепча ему на ухо слова, которые он считал своими мыслями. Я была архитектором его империи, его невидимым стратегом.

Джин, подчиняясь моим приказам, показывал мне картины будущего, где Александр покорял земли, где его имя гремело по всему миру.

Я видела, как его армия, ведомая моей волей, сметает врагов, как города падают к его ногам. И каждый раз, когда я видела угрозу, я направляла джина на ее устранение, будь то предательство внутри армии или коварные замыслы врагов.

Александр, хоть и плакал поначалу, постепенно привык к моей власти.

Он видел, что мои слова ведут его к победе, что мои советы приносят ему славу и могущество. Он стал моей марионеткой, послушным исполнителем моих амбиций. Я же, оставаясь в тени, наслаждалась зрелищем. Я видела, как мои знания, добытые хитростью и обманом, превращаются в реальность, в новую карту мира.

Птолемей, верный соратник Александра, был единствен-

ным, кто чувствовал мою руку в его успехах. Он видел, как я появляюсь и исчезаю, как мои слова влияют на царя.

Он пытался понять мою природу, мою силу. Но я всегда была на шаг впереди. Я знала, что моя сила не в родословной, а в знании и в умении им пользоваться. Я была той, кто дергал за ниточки, кто плел паутину власти, в которую попадали все.

С годами я начала стариться и стала замечать неприязнь со стороны царя и Птолемея. Стала планировать операцию по омоложению, которая не получилась у Платона.

Александр поехал в Экбатаны, там умер его друг Гефестион. Царь объявил траур во всей империи и устроил в Вавилоне грандиозные похороны.

Про меня все забыли, и я спокойно провела операцию – переход через игольное ушко. Теперь мне снова шестнадцать лет.

Царь и я планируем новые войны. Строим порт в Персидском заливе и готовим флот. Александр хочет покорить Аравию, чтобы контролировать всё морское побережье от Индии до Египта.

Но как ты освоила установку? – перебил я сестру.

Самое главное оказалось самым простым. Это то, чему нас с детства учил Платон. Помнишь? Он использовал неизвестный нам язык. Учитель рассказывал, что это язык этрусков — небольшого народа, который предпочёл уйти в холодные страны, нежели вступить в кровопролитную битву

за свою землю. Мы писали слово «ЧИСЛО» и слово «СЛОВО». Потом писали «ЧИ», ставилась чёрточка, крупно писали «СЛО», снова ставилась чёрточка и «ВО». Получалось: «ЧИ-СЛО-ВО». Так наглядно учитель преподавал нам основную мудрость.

Он рассказал миф. Помнишь? Когда люди знали, как из чисел и букв составить запросы, понимаемые ангелами, духами и самой тканью мироздания.

— Да, — поддержал я, — ещё он говорил, что это не просто лингвистическая игра. Это код, древний протокол доступа к реальности. Это был язык, на котором Вселенная не просто слышала, а материализовала мысль.

Люди были способны объяснить, что они хотят сказать невидимым существам, донести свою мысль и чётко сгенерировать вещь, которую хотят получить от Вселенной. Хотел хлеба — составлял запрос из чисел и букв, и зерно прорастало. Хотел исцеления — и вибрация звука выстраивала клетки заново.

Но однажды группа людей, возомнивших себя архитекторами бытия, решила, что дающий им пропитание и блага Творец — это лишь золотая рыбка в их аквариуме. Они составили запрос, который должен был превратить Создателя в вечного слугу, в бесконечный генератор благ по их прихоти. Они хотели отменить закон отдачи и получения.

Творец, однако, не стал спорить. Он просто изменил настройки, «перепрошив» человеческое сознание. Он разде-

лил язык и математику, отделил смысл от материи, лишив людей способности вкладывать в слова ту частоту, которая могла бы заставить ангелов откликаться. С тех пор мы утратили способность творить и стали просто «говорить», не обладая более способностью «создавать». С тех пор мы добываем хлеб в поте лица своего, ибо забыли, как обратиться к самой сути вещей с просьбой о дарах.

Опьянев, сестра болтала без умолку, повторяясь и не слушая меня.

Платон и Аристотель подобрали слова для диалога с Джинном. Только они на тот момент понимали его, а он понимал их. Я же, как ты знаешь, с детства крутилась у них под ногами и не воспринималась всерьёз. Расчёты, выводы — всё это было на виду. От меня они не старались что-то скрыть. В день, когда Платон и Аристотель собрались просить у Джинна вернуть им молодость, я вдруг испугалась. То есть они станут мне ровесниками, и Джинна мне не дожидаться. Так я размышляла. Ведь я надеялась стать хозяйкой Джинна после смерти Платона. Но тут до меня дошло, что, даже заполучив установку с Джинном, не зная законов составления запросов, я не смогу его использовать. Тогда я договорилась с тобой, что установку ты выкрадешь, а я, невиноватая, останусь и соберу знания для диалога с Джинном. Ну, что-то я разболталась. А твоя подруга что, спит?

— Да. Мы ведь только недавно подъехали. Я спросил у воина, где мне тебя найти, и мне сразу показали. Ты большой

человек, а вот охрана не хотела пускать. Я-то могу болтать до утра, мы же не виделись столько лет. Даже не ожидал, что у тебя всё получится. Давай выпьем за твой успех, за те высоты, которых ты достигла. А я спустил наследство отца. Меня мошенники обманули, когда менял деньги. Чуть не спился с горя. Хорошо, жена отца помогла, пристроила в храм. Там я с Одиной и познакомился. Мы любим друг друга, она мне друг и товарищ, — сказал я.

— Ну, а на что живете? — спросила сестра.

— Одина — дочь богатого господина, от него постоянно получаем подарки, — ответил я.

— Ну, сейчас богатых нет, всё богатство у войска Александра, — ответила сестра. — А хочешь омолодиться?

— Да, было бы неплохо, — ответил я. — Но когда? Да и знаешь, просьба: если можно, было бы хорошо Одине тоже омолодиться, — сказал я.

— Одина? — Таина задумалась. — Можно, если ты поручишься, что она не будет никому рассказывать. Но давай потом об этом. Сейчас хочу напиться с тобой, очень давно мне так хорошо не было. Сейчас Македонский болен, не слушается меня, а воины пьют и гуляют.

— Таина, если уж ты начала, можешь мне Джинна показать? — попросил я.

— Нет, — ответила Таина. — Открывать сундук долго, а в голове у меня шумит. Да не обижайся. Ну, я вижу, что обиделся. Давай, чтобы ты не думал об этом, об обиде, я тебе

докажу, что я тебе доверяю. Покажу тебе записки, тексты запросов, которыми можно Джинна заставить многое сделать.

— Ну, давай, — без обиды согласился я.

Таина достала из мешочка свернутые узкие куски папируса.

— Вот, смотри, — дала мне один папирус.

Я собрался прочесть надпись и не смог: это была какая-то бессмыслица. Буквы, числа, символы на папирусе, казалось, жили своей жизнью: они то сжимались в плотные, почти черные точки, то расплзались по волокнам материала, словно муравьи, спасающиеся от наводнения. Я вглядывался в них, пытаюсь уловить хоть какой-то ритм, логику построения, но мой разум, привыкший к простоте храмовых свитков и торговых расписок, пасовал перед этой геометрической вакханалией. Это не было похоже на греческий алфавит или египетские иероглифы; скорее, это напоминало чертежи звездного неба, наложенные на карту человеческих нервов.

Таина, заметив мое замешательство, лишь усмехнулась, и в этом звуке было больше горечи, чем хмельного веселья. Она потянулась к кубку, но рука ее дрогнула, пролив вино на стол. Темная жидкость медленно впитывалась в дерево, очерчивая контуры, которые странным образом перекликались с узорами на папирусе.

— Не пытайся прочесть это глазами, — прошептала она, наклонившись ко мне так близко, что я почувствовал запах

терпкого вина и чего-то еще — холодного, металлического, напоминающего о грозе в горах. — Платон называл это «языком первопричин». Чтобы заставить Джинна слушать, нужно не просто произнести слова, нужно выстроить в сознании структуру, которая будет резонировать с его сутью. Это как настраивать лиру, только вместо струн — твои собственные мысли, очищенные от сомнений и страха.

Она забрала у меня папирус и бережно свернула его, спрятав обратно в мешочек. В ее глазах на мгновение промелькнула та самая маленькая девочка, что когда-то путалась под ногами великих философов, но тут же сменилась усталостью женщины, несущей на плечах бремя, которое не под силу было бы даже самому Александру.

Это и есть язык, о котором Платон рассказывал? — спросил я сестру. — Я ничего не понимаю. А если в этом коде допустить ошибку?

Ошибаться нельзя, — ответила сестра. — Каждый запрос неделю готовлю, потом обрабатываю в процессе генерации запроса.

Она замолчала, и в тишине шатра стало слышно, как тяжело дышит спящая Одина. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Внезапно пришло осознание: то, что я считал удачей — встречу с сестрой, ее доверие, возможность прикоснуться к тайне — было лишь началом игры, правила которой менялись с каждым ее выдохом. Тайна не просто была пьяна; она была на грани срыва, и этот папирус в ее руках

был не ключом к богатству, а предохранителем, сдерживающим нечто, способное превратить весь этот лагерь, вместе с непобедимым войском и самим Македонским, в горстку пепла и воспоминаний.

— Завтра, — сказала она, откидываясь на подушки и закрывая глаза. — Завтра, когда солнце встанет над горами, я покажу тебе, как это работает. Если, конечно, ты все еще будешь хотеть стать молодым. Иногда, брат, старость — это единственная защита от того, что скрыто в этом сундуке.

Ну всё, давай веселиться. Пока твоя жена спит, я познакомлю тебя со своей подругой Таис. Она известна как Афинская, — предложила сестра, выпивая залпом бокал вина.

— Самой Таис? — изумился я. — Давай. И Одине не будем мешать, пусть спит.

Мы быстро собрались и пошли искать приключения.

— Как в детстве! — радовался я.

Таис, выходя из шатра, дала указание охране, и мы, покачиваясь, пошли к центру лагеря, где стояли шатры Македонского и шатер Таис Афинской. Быстро стемнело; лагерь, освещенный кострами, был наполнен весельем, песнями, смехом. Пьяные разговоры — обычная картина завоевателей. Узнав Таис, нас позвали к костру. Трое воинов сидели около него; двое, выпив лишнего, уже спали. Рядом с компанией сидели полуголые связанные пленницы. Мы выпили вина. Узнав, что мы идем к Таис, воины передали ей привет и просили передать Александру, что пьют за его здоровье.

Такие остановки повторились еще дважды, и мы подошли к царственным шатрам. Опьянев, мы не сразу заметили странную суету вокруг. Известие нас поразило: Александр умер.

К своему шатру мы вернулись ближе к полудню. Охранников не было — конечно, узнав о смерти Македонского, они пошли узнавать новости. Войдя в шатер, мы увидели порезанную ткань задней стенки и отсутствие сундука с установкой. Одины тоже не было. Не было и мешочка с запросами. Таис упала в обморок — всё пропало. Я стоял, не зная, что делать, что думать. О ком, о чём? Кто-то похитил Одину и Джина? Мысль о том, что это могла сделать Одина, ко мне не приходила даже в голову.

Я опустился на колени рядом с Таис, чье лицо, обычно сияющее дерзкой уверенностью, теперь напоминало бледную маску статуи.

Если Одину похитили, то кто? В лагере, охваченном хаосом из-за смерти великого завоевателя, каждый был сам за себя. Солдаты, еще вчера преданные Александру, теперь превращались в мародеров, а приближенные полководцы уже начали негласную борьбу за власть. Но кому могла понадобиться странная «установка» — этот чужеродный предмет, который они вряд ли могли понять?

Я подошел к разрезу на ткани. Края были ровными, сделанными профессиональным клинком. Никакой борьбы, никаких следов сопротивления. Это означало, что либо похититель был настолько искусен, что застал Одину врасплох,

либо... Я тряхнул головой, отгоняя предательскую мысль. Но она, как ядовитый плющ, уже обвивала разум. Одина была умна, осторожна и обладала знаниями, которые могли сделать её целью для любого, кто хоть краем глаза видел работу Джина.

— Таис, очнись, — я слегка встряхнул её за плечи. — Нам нужно понять, когда это произошло. Если они ушли ночью, след еще может быть свежим.

Она открыла глаза, и в них отразилась бездна отчаяния.

— Александр мертв, — прошептала она, не обращая внимания на мои слова. — Ты понимаешь, что это значит? Весь мир, который мы знали, сейчас рассыплется в прах. А без Джина мы заперты в этом прахе навсегда.

Я поднялся, чувствуя, как внутри закипает холодная решимость. Я не мог позволить себе панику. Я осмотрел пол, надеясь найти хоть что-то: оброненную монету, клочок ткани, отпечаток сандалии. В углу, под грудой сброшенных одеял, я заметил нечто странное — едва заметный блеск металла. Наклонившись, я поднял крошечный предмет. Это была заколка, которую Одина носила в волосах. Она не могла потерять её случайно. Это был знак.

Сердце забилося чаще. Если это послание, то куда она хотела меня направить? Я посмотрел на выход из шатра, где в мареве полуденного зноя колыхались знамена великой армии, лишившейся своего бога. Где-то там, среди тысяч палаток и охваченных паникой людей, скрывался ответ. Я помог

Таис подняться, чувствуя, как в груди просыпается не просто страх, а охотничий азарт. Мы не просто потеряли путь домой — мы оказались в эпицентре игры, правила которой только что изменились навсегда. И если Одина ушла сама, значит, она знала нечто такое, что заставило её рискнуть всем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.